

УДК 94(470):286

doi 10.17072/2219-3111-2019-2-109-121

«РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЙСТВУЕТ САМОВОЛЬНО»: НЕЛЕГАЛЬНЫЕ МОЛИТВЕННЫЕ ДОМА В ПОЗДНЮЮ СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

А. И. Савин

Институт истории Сибирского отделения РАН, 630090, Новосибирск, ул. Академика Николаева, д. 8
a_savin_2004@mail.ru

Рассматривается феномен функционирования в 1960-е – 1980-е гг. в Советском Союзе нелегальных молитвенных домов приверженцев запрещенного властями Советом Церквей евангельских христиан-баптистов. На основании документации Совета по делам религий при Совете Министров СССР и его региональных уполномоченных, выявленной в фондах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Алтайского края, исследуются практики верующих, нацеленные на создание так называемых «домовых церквей», позволяющее избегать вмешательства органов власти в религиозную жизнь общин. Характеризуются стремление религиозных диссидентов к автаркии и готовность «пострадать» за свободу совести. Большое внимание уделяется конспиративной деятельности верующих, стремившихся минимизировать вмешательство властей и их контроль над религиозной жизнью общин. Описываются и анализируются репрессивные практики органов власти, направленные как на пресечение деятельности «домовых церквей», так и на снос незаконных стационарных домов молитвы. Делается вывод о том, что власти так и не удалось разрешить проблему «домовых церквей» в период существования СССР. Основными причинами этого были «своевольное упрямство» верующих и неэффективность репрессивных мер в виде административных штрафов и разгона молитвенных собраний в условиях доминирования «социалистической законности» брежневской эпохи. Дополнительным ограничителем репрессий являлась определенная гибкость власти, стремившейся не наказывать и не озлоблять «рядовых» верующих, не допускать оскорбления их религиозных чувств, своевременно и оперативно разрешать конфликтные ситуации. В результате политика убеждения в выгодах государственной регистрации превалировала над репрессивным принуждением к лояльности.

Ключевые слова: СССР, эпоха Брежнева, евангельские христиане-баптисты, религиозный диссидент, Совета Церквей евангельских христиан-баптистов, Совет по делам религий при Совете Министров СССР, «домовые церкви», нелегальность, репрессии.

Храм или молитвенный дом традиционно занимает центральное место в религиозной жизни подавляющего большинства конфессий. В советское время, в условиях государственной политики, направленной на максимальное сокращение численности «культовых зданий», значение дома молитвы выросло для верующих многократно. Вместе с тем здание храма было «ахиллесовой пятой» религиозных организаций, превратившись в заложника и гаранта политической лояльности верующих.

В свое время русские духоборы, стремясь подчеркнуть приоритет «духовного» над «вещным», сформулировали вполне протестантский принцип: «Бог не в бревнах, а в ребрах». В годы гонений и массового закрытия культовых зданий, после фактической ликвидации легальных, т. е. зарегистрированных и официально учтенных религиозных общин, этот принцип взяли на вооружение верующие практически всех конфессий, в первую очередь протестанты. Оставшись к концу 1930-х гг. без легальных молитвенных зданий, они пошли по единственно возможному пути сохранения себя в качестве церкви – «братское общение» было перенесено на территорию частных квартир и домов. Как отмечает в своей программной статье «Сталинизм и религия» Йорг Баберовский, «религия – это не только индивидуальный опыт, это место коллективного воспоминания, это солидарная общность» [Baberowski, 2004, S. 484]. Таким образом, уже в предвоенные годы в СССР зародился феномен так называемых «домовых церквей», которые позволяли верующим минимизировать контроль со стороны властей за религиозной сферой.

Нелегальный молитвенный дом приобрел актуальность начиная с 1960-х гг. в ходе острого противостояния Советского государства и религиозных диссидентов из числа баптистов во главе с

так называемым Советом Церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ) [Никольская, 2009]. В начале 1970-х гг. по данным Совета по делам религий при Совете Министров СССР в стране насчитывалось 470 объединений евангельских христиан-баптистов численностью около 20 тыс. чел., которые поддерживали СЦ ЕХБ. Кроме того, на «позициях» СЦ ЕХБ в начале 1970-х гг. стояли около 8,5 тыс. меннонитов, которые наотрез отказывались от государственной регистрации (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 38. Л. 203; Оп. 67. Д. 115. Л. 182). По данным Совета по делам религий к началу 1974 г. около 25 тыс. меннонитов входили в состав ВСЕХБ, остальная часть меннонитов – около 8,5 тыс. – создавали самостоятельные объединения. В РСФСР численность «самостоятельных» меннонитов достигала 5,8 тыс. Здесь необходимо отметить, что к советской статистике религиозных объединений следует относиться критически. Цифры, которыми оперировали разные ведомства или даже одно и то же ведомство, нередко противоречат друг другу. Так, руководство 5-го Управления КГБ полагало в январе 1971 г., что численность «самостоятельных» меннонитов составляет в СССР около 16 тыс. чел. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 89. Л. 10–11).

На языке власти сторонники СЦ ЕХБ чаще всего именовались «баптистами-раскольниками» или «инициативниками». Чекисты в середине 1960-х гг. расценивали «баптистов-раскольников» одними из главных внутренних «возмутителей спокойствия» в СССР наряду с крымскими татарами и немцами-автономистами. В учебнике по истории советских органов государственной безопасности говорится: «Под влиянием обострившейся международной обстановки в 1961, 1967 и 1968 годах наблюдалось оживление враждебной деятельности церковников, сектантов и других антисоветских элементов. Наибольшую активность при этом проявляли католики и униаты, а также члены нелегально действовавших сект иеговистов, пятидесятников и баптистов-раскольников» [История советских..., 1977, с. 545]. Борьба с «враждебной деятельностью» верующих была объявлена одной из важнейших задач 5-го Управления КГБ СССР.

История русского протестантизма в советский период сегодня активно изучается. За последние полтора десятилетия в свет вышли монографии Л.И. Сосковец [Сосковец, 2003, 2008], А.В. Горбатова [Горбатов, 2008], Т.К. Никольской [Никольская, 2009], Н.А. Беляковой и др. [Белякова, Добсон, 2015; Beljakova, Bremer, Kunter, 2016], а также две коллективные монографии тюменских историков [Протестантизм в Тюменском крае, 2006; Ключева, Поплавская, Бобров, 2013]. С.П. Волохов [Волохов, 2002], В.В. Шиллер [Шиллер, 2004], А.Л. Глушаев [Глушаев, 2013] и Е.А. Серова [Серова, 2013] защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, опубликовав вслед за этим целый ряд статей. Вызывает интерес монография Эмили Баран, в которой исследуется деятельность общин «свидетелей Иеговы» в СССР в послевоенный период [Baran, 2014].

Много внимания уделялось изучению государственной политики, проводимой в отношении протестантских организаций в 1940-е – 1960-е гг., советского антирелигиозного законодательства, деятельности органов КГБ, а также Совета по делам религий при Совете Министров СССР и его региональных уполномоченных, направленной на контроль и ограничение религиозной сферы. Политическая повседневность верующих, а именно практики пассивного и активного сопротивления власти, рассмотрены в меньшей степени.

В настоящей статье мы попытаемся узнать один из секретов резистентности верующих в их отношениях с мощным авторитарным государством, его органами безопасности и огромной пропагандистской машиной. Мы также постараемся выявить на примере феномена нелегальных молитвенных домов, какие протестные формы приобретало «своевольное упрямство» [Людтке, 2010, с. 88–89] сторонников СЦ ЕХБ в последние тридцати лет существования Советского Союза. Территориальные рамки исследования – Западная Сибирь, в первую очередь Алтайский край, являвшийся одним из мест концентрации общин СЦ ЕХБ.

К моменту появления в начале 1960-х гг. на советской «религиозной карте» религиозных диссидентов в лице СЦ ЕХБ, основные «правила игры» между государством и верующими в сфере владения зданием церкви уже давно сложились и были хорошо известны обеим сторонам. С одной стороны, владение зданием храма на законных основаниях являлось одним из главных условий легальной деятельности религиозной общины. Наличие официально зарегистрированного «культового здания» позволяло верующим проводить религиозные обряды, не испрашивая каждый раз разрешения местных властей. Таким образом, общины приобретали формальную автономность в вероисповедных делах, хотя она была достаточно иллюзорной.

С другой стороны, лишившись прав собственника в 1918 г., верующие были обязаны нести все расходы, связанные с «обладанием имуществом»: по отоплению, страхованию, охране, ремонту, противопожарной безопасности, оплате налогов, сборов и т.п. Кроме того, местные органы власти располагали целым набором инструментов, позволявшим неограниченно увеличивать платежи. Эти финансовые обязательства, легшие тяжелым грузом на общины, а также страх лишиться молитвенного дома служили лучшим обеспечением их лояльности органам власти.

Легальная возможность купить, построить или переоборудовать здание под церковь была желанной наградой, но заслужить эту награду можно было только политической лояльностью. Впрочем, в периоды ужесточения государственной церковной политики, будь то время Большого террора, последние сталинские годы или время хрущевской антирелигиозной кампании, даже лояльность не могла гарантировать легальное владение «культовым зданием».

Для сторонников Совета Церквей ЕХБ, сознательно отказывавшихся от государственной регистрации, а значит, и от возможности, пусть призрачной, когда-нибудь обзавестись законным путем собственным молитвенным домом, «домовые церкви» стали главным местом «братского общения». При этом религиозные диссиденты закрывали глаза на очевидные недостатки служения в «домовых церквях», из которых главными были неминуемые административные наказания в виде штрафов и разгона собраний. Рецидивы нарушений могли иметь и более серьезные последствия в виде уголовной ответственности. Не следует сбрасывать со счетов также «технические» моменты: частные квартиры и дома, как правило, не вмещали всех желающих принять участие в богослужениях и не были оборудованы соответствующим образом.

В итоге собственный стационарный молитвенный дом даже для общин СЦ ЕХБ оставался желанным атрибутом религиозной жизни, который можно было получить двумя путями. Первый предусматривал отказ общины от религиозного диссидентства и возвращение в лоно лояльной государственной церкви под патронаж ВС ЕХБ. Второй путь был противоположным, поскольку предполагал существование нелегального стационарного дома молитвы в надежде на то, что власти не отважатся отобрать или разрушить строение, формально принадлежащее на правах частной собственности физическому лицу. Как первый, так и второй путь в последние тридцать лет существования СССР могли выбрать лишь немногие общины «инициативников». Для подавляющего большинства общин СЦ ЕХБ единственно возможной оставалась «домовая церковь».

Казалось бы, отношение к «домовым церквям» СЦ ЕХБ со стороны органов власти, начиная с милиции и КГБ и заканчивая уполномоченными Совета по делам религий, могло быть только одно – строго запретительное. Любое мероприятие религиозного характера незарегистрированной общины, в первую очередь проведение богослужений, по советским законам подлежало разгону, а его организаторы и участники – наказанию. Однако реальная жизнь была гораздо сложнее теоретических схем.

Чтобы вести успешную «охоту» на «домовые церкви», местные органы власти должны были знать, где состоится нелегальное молитвенное собрание. Если верующие соблюдали элементарные правила конспирации, то в большом селе это было нелегко выяснить, тем более, если община включала в себя верующих нескольких близлежащих селений. Так, уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Алтайскому краю писал в июне 1974 г., характеризуя деятельность меннонитов с. Полевое Хабарского района: «Религиозная организация действует самовольно. Большинство культовых мероприятий – молитвенные и членские собрания проводятся скрытно, по группам, меняются время и места сбора, широко культивируется среди верующих религиозная тайна. Сектанты отказываются назвать вероисповедание – говорят “я верующий христианин”, не называя структуру и численность организации, ее руководителей и служителей культа, время и место проведения обрядов» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 66. Л. 34–40).

Характеристика, данная этой же общине спустя два года, повторяет предыдущую почти слово в слово: «В общине 100–105 верующих <...> Собрания проводят скрытно. Чтобы избежать наблюдений со стороны представителей органов власти, каждый раз собираются в разных местах, тайно оповещая верующих о месте очередного сбора» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 247. Л. 5–6.).

Такая конспирация осложняла жизнь представителям власти, ответственным за борьбу с религией. Ситуацию охарактеризовал в 1968 г. уполномоченный Совета по делам религий в Алтайском крае Коробейщиков: «Мне, например, не ясно, кто должен обеспечивать нас информацией о нелегальной деятельности сектантов, – писал он руководству. – Органы У[правления] О[храны]

О[бщественного] П[орядка] оперативной работы в сектах не ведут. Мы тоже. Органы безопасности имеют свои специфические задачи. Но сектанты проводят нелегальные собрания, тайно решают свои дела, в том числе благотворительные, финансовые, штатные, по обучению религии, созыву нелегальных собраний и т.д. Из каких источников нам знать обо всем этом? Мы получаем эти сведения, и видимо не по обязанности, а из любезности» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 200. Л. 16–17). О том, насколько далеко простиралась «любезность» сотрудников КГБ в деле сотрудничества с уполномоченными Совета, остается только гадать, пока историкам не станет доступна ведомственная документация органов государственной безопасности брежневского периода. Что же касается милиции, то уполномоченные традиционно и неоднократно жаловались начальству, что отделы милиции оказывают им слабую помощь «в выявлении и документировании нарушений», допущенных верующими.

Тем не менее конспиративность «домовых церквей» СЦ ЕХБ имела свои границы. Настойчивые уполномоченные Совета, а также местные органы власти, в первую очередь члены комиссий содействия исполкомам по соблюдению законодательства о религиозных культурах, имели при желании множество способов и возможностей выявлять места проведения нелегальных молитвенных собраний. Так, ни для кого не было секретом, что собрания время от времени проходят в домах или квартирах пресвитеров и проповедников (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 111. Л. 9–13). Чтобы убедиться в этом, иногда хватало острого глаза представителя власти. Так, в октябре 1973 г. уполномоченный Совета, посетив квартиру Петра Классена, возглавлявшего группу «меннонитов-откольников» с. Благовещенка Благовещенского района Алтайского края, подметил во дворе дома сложенные скамейки, на которые в случае проведения молитвенного собрания можно было посадить 30–40 чел. После этого «вычислить» место собраний не составило труда (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–2).

Представителям органов власти помогала также цикличность молитвенных собраний. В 1977 г. члены комиссии содействия Кулундинскому райисполкому Алтайского края организовали поочередное дежурство трех групп по воскресеньям и средам, что позволяло им с большой долей вероятности «выяснять места сбора» общины (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–3). Нередко члены комиссий содействия прибегали к практике, которая вызывала особое недовольство верующих: с помощью учителей школ они пытались выведать информацию о местах молитвенных собраний у детей из верующих семей.

Но установление места проведения нелегального молитвенного собрания было только первым шагом на пути пресечения незаконной деятельности «домовых церквей». В условиях «брежневского» религиозного поворота, когда политический режим сознательно ограничил свою репрессивность и фактически свел ее к мерам административного порядка, совладать с резистентностью религиозных диссидентов оказалось далеко не просто [Савин, 2016, с. 59–75].

Дополнительной «палкой в колеса» наряду с серьезным снижением градуса репрессивности стало неуклонное требование Совета по делам религий при Совете Министров СССР различать «рядовых верующих», честных, но якобы запутавшихся советских людей, и «экстремистских вожаков сект». Административному наказанию, не говоря уже об уголовном, подлежали только последние. Председатель Совета В.А. Куроедов инструктировал своих подчиненных в мае 1969 г.: «Совет подчеркивает, что, осуществляя мероприятия по ликвидации сектантского подполья, необходимо особое внимание уделять работе с рядовыми верующими, разоблачать противозаконный, антиобщественный характер деятельности их вожаков» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 102. Л. 39–44). Начальству вторили уполномоченные Совета. Так, в 1973 г. уполномоченный Совета по Алтайскому краю требовал «при выявлении грубых нарушений, принимать меры, предусмотренные законом, избегая однако распространения административных мер на широкий круг лиц и на рядовых верующих» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 43. Л. 44 об.).

Однако требование наказывать исключительно пресвитеров и проповедников общин «инициативников» нередко сводило на нет все усилия местных органов власти. Дело в том, что после установления места нелегального молитвенного собрания в акте об административном правонарушении представители власти обычно указывали в качестве лиц, подлежавших наказанию, владельцев домов или квартир, являвшихся, как правило, рядовыми членами общин. Например, в 1968 г. административная комиссия Славгородского городского исполкома Алтайского края оштрафовала пятерых рядовых верующих как лиц, предоставлявших свои дома для проведения молитвенных

собраний, в то время как «руководители и организаторы этих собраний выявлены не были и остались безнаказанными». Действительно, в условиях омерты, практиковавшейся верующими, установить личность настоящего организатора собрания было далеко не просто.

Верующие нередко с успехом обжаловали решения о наложении на них штрафов в порядке исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 марта 1966 г. «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах». Так, в июне 1973 г. с жалобой на имя председателя Алтайского краевого исполнительного комитета обратилась жительница с. Табуны Кулундинского района Марта Гибнер. Женщина призналась в том, что, «имея потребность в общении со своими единоверцами, пригласила группу из Кулунды. Сразу же по их прибытию ко мне пришли сотрудники милиции, ГАИ, райисполкома и общественные дружинники, требуя от меня, чтобы я выгнала своих гостей. Стали применять физическую силу для разгона гостей». За организацию «незаконного сборища» административная комиссия райисполкома 22 мая 1973 г. оштрафовала домовладелицу на 50 руб. Однако райисполком, принимая такое решение, не обратил внимание на то, что Гибнер является пенсионеркой с пенсией в размере 28 руб. Таким образом, чтобы уплатить штраф, она должна была «два месяца не кушать» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 43. Л. 39–39 об.). На сторону Гибнер стал уполномоченный Совета, посчитавший жалобу обоснованной, поскольку наказание было применено «в отношении лица, не являющегося руководителем религиозной организации», и рекомендовал заменить наложенный штраф предупреждением (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 43. Л. 38).

Но даже если решение административной комиссии исполкома Совета было безупречным как с политической, так и с юридической точки зрения, взыскать штраф получалось далеко не всегда. Например, в начале 1980-х гг. власти Благовещенского района вели настоящую «административную войну», пытаясь привлечь к ответственности Ивана Денцеля, одного из активистов Благовещенской общины СЦ ЕХБ, в доме которого систематически проходили молитвенные собрания. 6 апреля 1980 г. депутаты Благовещенского поселкового совета установили факт проведения молитвенного собрания, в котором участвовали около 180 верующих. На предложение прекратить собрание Денцель ответил категорическим отказом, от подписи составленного протокола также отказался. Наложённый штраф он игнорировал. Власти же не могли взыскать деньги, поскольку Денцель являлся пастухом и деньги получал только «на руки». 22 февраля 1981 г. комиссия исполкома вновь «заактировала» молитвенное собрание верующих в количестве 160 чел. в доме Денцеля. На этот раз штраф взыскали, так как Денцель временно работал на местном элеваторе. В декабре 1981 г. история повторилась в третий раз. По состоянию на февраль 1982 г. очередной штраф все еще не был взыскан (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 216. Л. 28–29).

Наряду со «своевольным упрямством» верующих главным тормозом в деле борьбы с «домовыми церквями» являлась неэффективность штрафов как средства наказания. Штрафы могли быть по-настоящему эффективными только в случае их методичного неуклонного применения, но в этом по ряду причин, как бы парадоксально это не звучало, не были заинтересованы сами местные органы власти. Во-первых, такой подход требовал от них каждодневной кропотливой работы, к чему советские чиновники на местах в своем большинстве явно не стремились, предпочитая спускать такие дела «на тормозах». Так, административная комиссия Хабаровского райисполкома, на территории которой функционировали крупные общины СЦ ЕХБ из числа меннонитов, в 1972–1974 гг. не рассмотрела ни одного дела по факту нарушения законодательства о культах. Более того, были «положены в стол» все материалы на «нарушителей», которые неоднократно передавались комиссии местными сельскими советами (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 66. Л. 34–40).

Такая позиция местных органов власти была скорее правилом, чем исключением. Как отмечалось в справке Совета по делам религий при Совете Министров СССР «О ходе упорядочения сети религиозных объединений, состоящих полностью или частично из верующих немецкой национальности» (январь 1985 г.), у районных и городских исполкомов Советов не имелось планов мероприятий, «направленных на прекращение антиобщественных действий каждой экстремистской группировки», в большинстве мест не был выявлен «персональный состав группировок, социальный и моральный облик сектантских вожаков, корни их экстремистских взглядов», в ряде мест не была даже установлена до конца «сеть» немецких общин СЦ ЕХБ. В результате пресечение действий «сектантов» осуществлялось лишь эпизодически. Например, в Исилькульском районе Ом-

ской области власти обнаруживали и «активировали» лишь каждое десятое нелегальное собрание меннонитов.

Во-вторых, чрезмерная активность в деле борьбы с «религиозными экстремистами» могла привлечь к себе внимание вышестоящего начальства, и район рисковал оказаться на заметке как «религиозный», что влекло за собой обвинения, а то и выговоры за «развал антирелигиозной работы». В такой ситуации районным властям было проще отчитаться о благополучной «религиозной обстановке».

В-третьих, в условиях брежневской «социалистической законности» верующие научились отстаивать свои права и не боялись жаловаться на действия местных властей. Поскольку репрессивные меры исполкомов не всегда отличались безупречностью как в юридическом, так и в «политическом» отношении, вышестоящие органы власти нередко оказывались в роли невольных адвокатов верующих. Принимая решение о штрафах, местные власти должны были быть готовы к тому, что их действия будут перепроверяться на предмет правомочности, в то время как жалобу верующих «возьмет на контроль» ЦК КПСС.

В результате, как отмечал уполномоченный Совета по Алтайскому краю в 1976 г., незарегистрированные объединения действовали бесконтрольно, «деятельность их, как правило, не изучается, нарушения не пресекаются <...> К действующим группам экстремистов по существу ни воспитательных, ни административных мер не принимается из-за боязни осложнений и угроз со стороны вожаков этих сект» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 130. Л. 4–9).

Когда уполномоченный Совета по Алтайскому краю обратил внимание на то, что в течение 1979–1980 гг. власти Славгородского района ограничились лишь предупреждением в адрес восьми домохозяев о недопустимости проведения молитвенных собраний в принадлежащих им помещениях, председатель Славгородского райисполкома В.Н. Хореев заявил в свое оправдание, что «наш в прошлом сильно упрекали за увлечение административными мерами, и сейчас мы просто опасаемся еще раз получить подобный упрек». В свою очередь уполномоченный Совета констатировал, что «подобная боязнь применять к злостным нарушителям <...> меры административного, а тем более уголовного воздействия, характерна для должностных лиц советских и административных органов», в том числе для краевой прокуратуры и милиции (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–8).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что штрафы, как правило, применялись эпизодически, и они вряд ли могли привести к прекращению деятельности общин СЦ ЕХБ. Так, в 1982 г. на руководителей 23 объединений сторонников СЦ ЕХБ в Алтайском крае было наложено 80 штрафов. «Эпизодическая выплата даже 50 рублей, – констатировал уполномоченный Совета, – экстремистам не представляется чрезмерной; они регулярно их вносят, но своей деятельности не прекращают, нелегальные собрания проводят» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 36). В своем выступлении на совещании работников советских и административных органов Алтайского края, посвященном «разоблачению и прекращению противозаконной деятельности меннонитов и бывших меннонитов», состоявшемся в Барнауле в феврале 1983 г., уполномоченный Совета Г.И. Лисенков вновь задался ключевым вопросом: «Штрафы уплачены, а нарушения не прекращаются. Более того, начали распространяться провокационные слухи, что из-за непомерных штрафов дети голодают, ходят разутыми и раздетыми. Можно, конечно, дать команду – штрафовать за каждое собрание (а их в год наберется около ста пятидесяти). Но ведь должен же быть где-то предел?» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 292. Л. 4–13).

«Предел» уполномоченные Совета видели в наступлении уголовной ответственности в случае неоднократных нарушений. Однако брежневский режим был противником расширения границ репрессивности. Уполномоченные Совета и подконтрольные им органы власти были вынуждены в своей борьбе с «подпольными» «домовыми церквями» не выходить за рамки карательных мер, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 марта 1966 г. В итоге вплоть до 1991 г. уголовная ответственность и лагерное заключение оставались участью относительно небольшой группы из числа религиозных диссидентов. Чтобы получить срок, одного нелегально проведенного молитвенного собрания было мало. Как правило, руководитель или активист общины СЦ ЕХБ оказывался на скамье подсудимых только в том случае, если к обвинениям в нелегальной религиозной деятельности добавлялись обвинения в «групповом преподавании религии» детям и подросткам.

В завершении темы административных штрафов хотелось бы дезавуировать представление о незначительной роли штрафов. Штрафы по целому ряду причин оказались малоэффективным средством борьбы с нелегальной деятельностью «домовых церквей» СЦ ЕХБ, но в плане административного надзора и контроля их вряд ли можно считать «незначительными». Как уже упоминалось, далеко не каждое нелегальное молитвенное собрание «актировалось» (т.е. составлялся акт об административном правонарушении) и не каждое составление акта заканчивалось штрафом, зачастую все ограничивалось предупреждением. Таким образом, вмешательство чужих людей в интимную религиозную жизнь, которое безусловно отравляло жизнь верующих и служило постоянным напоминанием о карающей руке государства, было более частым, чем число штрафов.

Стоило одной из сторон конфликта выйти за рамки привычной рутины, как ситуация могла обостриться. Так, руководители меннонитской общины с. Орлово Хабаровского района не подчинились в 1982 г. требованиям работников райисполкома и милиции, не прекратили очередное молитвенное собрание и оказали физическое сопротивление при попытке разогнать собрание силой. Решением народного суда несколько меннонитов были подвергнуты административному аресту на срок от 7 до 15 суток. В ответ на это жены наказанных и их родственники запретили своим детям посещать занятия в школе. В свою очередь районная комиссия по делам несовершеннолетних оштрафовала каждого родителя на 30 руб. Лишь спустя некоторое время дети стали вновь посещать школу и, как выразился уполномоченный Совета, «снизился накал экстремистских проявлений» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 287. Л. 35–37).

Приводимая далее статистика, касающаяся применения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г., пусть неполная и отрывочная, позволяет сделать вывод об определенном «затухании» административных репрессий в 1970-е гг. и их «всплеске» в первой половине 1980-х гг. Ближе к середине 1980-х гг. власти наиболее активно за весь послевоенный период стали вести политику, фактически направленную на принуждение религиозных общин протестантов к регистрации [Савин, 2018]. В 1967 г. по данным Совета по делам религий при Совете Министров СССР во всех республиках было привлечено к административной ответственности около 1300 чел., из них в РСФСР – 520, на Украине – около 400, в Белоруссии – 140, Киргизии – 45, Казахстане – 30, Молдавии – 44, Латвии – 18, Литве – 1, Эстонии – 1, Грузии – 9, Таджикистане – 3. Из 1300 привлеченных к административной ответственности около 800 верующих принадлежали к общинам СЦ ЕХБ и ВСЕХБ, 90 чел. – к пятидесятникам, 20 – к адвентистам седьмого дня, 80 – к православным (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 102. Л. 31–38).

В Алтайском крае в 1968 г. за нарушение законодательства о религиозных культах был оштрафован 31 чел., в том числе 6 адвентистов, 4 баптиста из общин ВСЕХБ и 21 чел. из числа пресвитеров и проповедников СЦ ЕХБ (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–36). В 1971 г. там же «за грубые нарушения законодательства, выявленные в сектах», оштрафовали 12 чел., в том числе 4 меннонитов, 7 баптистов СЦ ЕХБ, 1 баптиста ВСЕХБ (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–41).

За 1977 г. в Омской области за нарушение законодательства о религиозных культах привлекались к административной ответственности 73 «сектанта», в том числе 60 чел. были оштрафованы и 13 – предупреждены (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1398. Л. 89–92). В 1982 г. в Алтайском крае было наложено около 80 штрафов, «главным образом на организаторов незаконных сборищ сторонников СЦ ЕХБ» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 30–36). В Омской области только за первое полугодие 1983 г. было поименно 130 административных санкций, а также предупреждено в профилактическом порядке 90 «руководителей сект» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2680. Л. 50–50а).

В 1984 г. в Алтайском крае официально зафиксировано 138 нарушений законодательства о религиозных культах, в которых участвовали более 200 «сектантских активистов». При этом уполномоченный Совета подчеркивал, что фактических нарушений законодательства о культах было в десятки раз больше. Административные штрафы были наложены на 109 «злостных нарушителей», 8 чел. «обсуждены» на сходах граждан, 39 – на собраниях в трудовых коллективах (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 29–33). В 1985 г. в Алтайском крае к административной ответственности привлекалось 143 «сектанта», в 1986 г. – 272. За 1986 г. было наложено штрафов на 19 165 руб. (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 309. Л. 1–30).

Власть в лице уполномоченных Совета по делам религий прекрасно осознавала недостатки «домовых церквей» для верующих и нередко пыталась использовать разрешение иметь стационарный молитвенный дом в качестве награды за лояльность. Особенно явной эта линия поведения ста-

ла в 1970-е гг., когда руководящие «антирелигиозные» органы власти окончательно определились в своем отношении к вопросу регистрации «сектантских» общин, сделав ставку на легализацию «подпольной» религиозной деятельности.

Представление о том, как действовали в этом случае уполномоченные Совета, дает план, составленный весной 1983 г. совместно уполномоченным Советом по Алтайскому краю и инструктором Совета, специально командированным из Москвы в Барнаул. В соответствии с планом предполагалось переманить под крыло «государственной» баптистской церкви хотя бы одно или два объединения сторонников СЦ ЕХБ. В качестве «слабого звена» члены Совета рассматривали общины меннонитов с. Николаевка Благовещенского района, с. Некрасово Славгородского района и с. Дворское Хабарского района. «На примере этих объединений, – писал уполномоченный Совета, – можно было бы показать остальным группировкам сторонников “СЦ ЕХБ”, что регистрация вовсе не является тем пугалом, каким пытаются ее изображать вожаки-экстремисты, удерживая верующих от легализации своей деятельности». Сразу же после регистрации общин, заявивших о своей лояльности, уполномоченный Совета намеревался «помочь им в самый короткий срок решить вопрос с молитвенным домом» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 30–36).

Однако регистрация даже в 1970-е гг. не всегда была гарантией получения общиной столь желанного молитвенного дома. Так, община братских меннонитов с. Солнцевка Исилькульского района Омской области, насчитывавшая более 100 членов, была зарегистрирована в установленном законом порядке в июне 1972 г. Однако райисполком в течение шести лет отказывал меннонитам в праве на строительство стационарного молитвенного здания. Свою позицию руководство Исилькульского райисполкома объясняло запретом со стороны секретаря Исилькульского райкома КПСС, который не хотел иметь на «подведомственной» территории легальный «очаг» сектантской деятельности (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1398. Л. 89–92). Более того, летом 1975 г. власти района снесли «незаконно построенный молитвенный дом» Солнцевской общины (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 790. Л. 28).

В эту ситуацию в апреле 1978 г. был вынужден вмешаться уполномоченный Совета по Омской области А.И. Еременко, который выступил в качестве ходатая общины перед Советом по делам религий при Совете Министров СССР о разрешении строительства молитвенного дома. Свое решение уполномоченный обосновал ссылкой на «сложную религиозную обстановку в районе» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 1398. Л. 44–45). Ситуация, когда уполномоченный Совета занимал более гибкую, если не сказать, либеральную, позицию и фактически оказывался в роли адвоката легальных протестантских общин или общин, объявивших о намерении легализовать свою деятельность, была скорее правилом, чем исключением, особенно в 1970-е – первой половине 1980-х гг.

Религиозные диссиденты хорошо разбирались в ситуации, в которой за право обладания собственным молитвенным домом надо было поступиться своими убеждениями.

Так, на встрече с меннонитами – активистами общины СЦ ЕХБ с. Хорошее – директор местного совхоза, отметив добросовестную работу верующих на производстве, пообещал оказать помощь в деле строительства молитвенного дома в том случае, если верующие согласятся на регистрацию. В ответ один из членов общины, Г.Г. Фаст, заявил: «Верующие не ставят вопроса о строительстве молитвенного дома, т.к. это является уловкой со стороны властей. Верующие поверят заверениям начальства, построят дом, а он после будет конфискован. Так было в Славгороде, в самом селе Хорошем. Если власти хотят показать свое доброе расположение к верующим, пусть вернут ранее изъятые молитвенные дома, незаконно взысканные штрафы» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 262. Л. 17–19).

Исходя из того, что стационарный молитвенный дом был гораздо удобней «домовой церкви», а также с учетом конкуренции между общинами «лоялистов» и диссидентов, последние время от времени шли на риск и отваживались сооружать постоянный нелегальный дом молитвы. В течение многих лет «под самым носом» у краевых властей стационарный молитвенный дом имела самая известная община СЦ ЕХБ Алтайского края – Барнаульская, насчитывающая около 200 чел. Причем о существовании его знали как краевые власти, так и работники Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

Ничего удивительного в этой ситуации нет. В условиях брежневской «Little Deal» власть старалась избегать крайних форм публичной конфронтации, в которую неминуемо выплилась бы попытка прекратить деятельность молитвенного дома Барнаульской общины СЦ ЕХБ. У общины,

состоявшей преимущественно из «советских» немцев, сложилась репутация одной из самых активных, если не самой активной, среди всех «раскольнических» общин СССР. За ней в 1970-е гг. числились такие акции, как прорыв в посольство США в Москве, отказ от советских паспортов и подача петиции Л.И. Брежневу во время его визита в Барнаул в 1972 г. Община активно использовала такое «оружие слабых», как массовые обращения и жалобы верующих «во власть». О ее деятельности было известно на западе. Как констатировал в январе 1979 г. уполномоченный Совета по Алтайскому краю, «барнаульские баптисты-“раскольники” в своих заявлениях открыто пишут, что они “много лет собираются в своем молитвенном доме по Северо-Западной 144”. Более того, в одном из последних писем ставят вопрос об “охране его”» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 5–9).

Неудивительно, что городские и краевые власти предпочитали долгие годы «не замечать» незаконный молитвенный дом, действующий явочным порядком в одном из крупнейших городов Сибири. За это время в здании, которое на правах личной собственности принадлежало двум баптистам, были созданы все условия для проведения «противозаконных собраний сторонников Совета церквей». Молитвенный дом имел специальный зал, комнату для пресвитеров, был оборудован техническими средствами (магнитофоны, усилители, микрофоны, диапроекторы и т.д.) и имел музыкальные инструменты. В то же время лояльная община ВС ЕХБ г. Барнаула находилась в гораздо худших условиях.

В июле 1986 г., уже в ходе перестройки, барнаульские власти отважились принять решительные меры с целью парализовать деятельность молитвенного дома Барнаульской общины СЦ ЕХБ. Мобилизовав милиционеров и дружинников, комиссия содействия при Железнодорожном райисполкоме г. Барнаула лишила верующих возможности проводить в этом доме «незаконные» молитвенные собрания, одновременно под контроль были взяты другие возможные места проведения молитвенных собраний. Всю вторую половину 1986 г. молитвенный дом не функционировал, собрания в нем не проводились. «Видимо, следует ожидать, – писал уполномоченный Совета, – что верующие попытаются оказать соответствующее давление через зарубежные религиозные организации (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 309. Л. 1–30).

Нелегальный молитвенный дом Барнаульской общины СЦ ЕХБ, очевидно, был уникален с точки зрения места расположения и продолжительности существования. Но он был далеко не единственным примером ситуации, когда власти пасовали перед «своевольным упрямством» верующих. Об этом свидетельствует история общины меннонитов – сторонников СЦ ЕХБ в с. Николаевка Благовещенского района Алтайского края. Меннониты в 1975 г. подали в райисполком заявление о регистрации их общества и признании советского законодательства о религиозных культах. Однако Благовещенский райисполком, боясь «ухудшить» статистику по религиозной обстановке, рассмотрение заявления сознательно затянул. В результате в общине стали доминировать сторонники СЦ ЕХБ. В 1978 г. верующие самовольно построили специальный молитвенный дом. Как констатировал уполномоченный Совета по делам религий, «райисполком по данному факту ограничился лишь наказанием председателя сельсовета, а молитвенный дом продолжает функционировать» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 5–9). Судя по некоторым данным, молитвенный дом просуществовал как минимум до 1985 г.

Еще одна из наиболее крупных и активных общин Алтайского края, община СЦ ЕХБ г. Славгорода, насчитывавшая к середине 1980-х гг. около 450 членов, обычно проводила молитвенные собрания в «домовых церквях» – в домах единоверцев в черте города. Однако из-за постоянного контроля городской комиссии содействия и решительных действий органов милиции верующие в начале 1980-х гг. постепенно перенесли свою деятельность в пригород. В усадьбе К.К. Дика в 1986 г. была сооружена временная постройка, внутри которой верующие начали кладку кирпичных стен. Местные власти осознали, что меннониты фактически возводят молитвенный дом, и попытались запретить строительство. После получения предписания о прекращении незаконного строительства руководство общины форсировало работы и буквально за считанные дни завершило сооружение капитальной, отапливаемой пристройки. Одновременно во все возможные инстанции, в том числе в зарубежное представительство СЦ ЕХБ, были направлены письма, подписанные почти пятьюстами верующими г. Славгорода и Хабаровского района и содержащие требование «сохранить пристройку в неприкосновенности» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–21). В это же время в г. Павлодаре Казахской ССР сторонники СЦ ЕХБ не только построили молитвенный дом площадью около 130 кв.м, но и оборудовали, как с возмущением заявляло руководство Совета по делам

религий при Совете Министров СССР, «подземный бункер, который может быть использован для противозаконных целей» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 290. Л. 3–9).

Конформизм местных властей, которые зачастую предпочитали «не замечать» нелегальные молитвенные дома ради сохранения своего спокойствия, привел к тому, что к середине 1980-х гг. число самовольно возведенных стационарных домов молитвы стало расти. У нас нет достоверных данных, позволяющих судить о динамике количества молитвенных домов нерегистрированных общин религиозных диссидентов, но есть возможность опереться на некоторые оценки Совета по делам религий и его уполномоченных. В начале 1985 г. подводя итоги «борьбы с религиозным экстремизмом», уполномоченный Совета констатировал, что в Алтайском крае «за пять прошедших лет не прекращена деятельность ни одного такого религиозного объединения. Многие общества, стоящие на экстремистских позициях, имеют свои специальные молитвенные дома, регулярно проводят противозаконные молитвенные и другие собрания, совершают культовые действия. Зачастую здания построены или приобретены с нарушением действующих норм и правил» (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 271. Л. 29–33).

Тем не менее, явно проигрывая на этом участке «антирелигиозного» фронта, власть во времена Брежнева, Андропова и даже «раннего» Горбачева была далеко не всегда пассивной. Ветры демократии и «плюрализма», задувшие в годы перестройки на советском политическом олимпе, стали ощущаться в области церковно-государственных отношений, тем более в провинции, в лучшем случае лишь в 1988–1989 гг. Определенными цезурами стали празднование тысячелетия крещения Руси в апреле – июне 1988 г. и встреча М.С. Горбачева с Папой Римским Иоанном Павлом II в декабре 1989 г. До этого времени ни одна из религиозных общин не была застрахована от репрессий. Так, 26 декабря 1985 г. в Славгороде в результате обысков в двух «домовых церквях» СЦ ЕХБ была изъята вся литература духовного содержания: Библии, песенники, нотные сборники, номера журнала «Братский листок», выпускавшегося СЦ ЕХБ и т.п. (ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 274. Л. 136–138). Что же касается стационарных молитвенных домов общин СЦ ЕХБ, то власти могли даже пойти на применение такого радикального средства, как снос здания. Например, 26 октября 1985 г. был снесен молитвенный дом, построенный в 1983 г. нерегистрированной меннонитской общиной с. Хортица Нижнеомского района Омской области. Обнаружив «незаконное строение», власти решили использовать его, чтобы вынудить общину зарегистрироваться. В июле 1985 г. верующим была предложена альтернатива: либо в течение месяца разобрать дом, либо переоборудовать его под жилое строение и временно не использовать как церковь. В случае выбора второго варианта меннонитам обещали узаконить общину и после ее регистрации предлагали ходатайствовать перед органами власти о передаче данного дома общине для проведения молитвенных собраний. Дважды власти продлевали срок сноса, давая верующим время для раздумья. Однако община на компромисс не пошла, и 26 октября 1985 г. молитвенный дом был снесен (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3008. Л. 13–14).

История функционирования нелегальных «домовых церквей» и стационарных молитвенных домов общин СЦ ЕХБ является отражением ситуации, доминировавшей в целом в середине 1960-х – середине 1980-х гг. в церковно-государственных отношениях. На протяжении поздней советской эпохи власти практиковали шаблонный спектр действий: административные штрафы, разгон молитвенных собраний, конфискацию религиозной литературы и другого культового имущества, чтобы парализовать работу «домовых церквей» и нелегальных молитвенных домов нерегистрированных общин. Однако эффективность этих действий оставляла желать лучшего. Дополнительным ограничителем административных репрессий являлась определенная гибкость власти, стремившейся не наказывать и не озлоблять «рядовых» верующих, не допускать оскорбления их религиозных чувств, своевременно и оперативно разрешать конфликтные ситуации. Политика убеждения в выгоде государственной регистрации превалировала над репрессивным принуждением к лояльности. Однако проведению государственной политики мешали бюрократическая рутинa, отсутствие планомерности и тотальности в деле контроля за нелегальными общинами, привычка местных органов власти «закрывать глаза» на нарушения законодательства о культурах. В результате власть не сумела найти адекватного способа справиться с публичным вызовом «своевольного упрямства» верующих.

Список источников

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 43. Л. 38–39 об., 44 об.; Д. 52. Л. 1–3; Д. 66. Л. 34–40; Д. 99. Л. 1–36; Д. 102. Л. 39–44; Д. 111. Л. 9–13; Д. 115. Л. 1–414; Д. 130. Л. 4–9; Д. 151. Л. 1–8; Д. 173. Л. 1–21; Д. 200. Л. 16–17; Д. 216. Л. 28–29; Д. 230. Л. 1–2; Д. 247. Л. 5–6; Д. 262. Л. 17–19; Д. 271. Л. 5–9, 29–33; Д. 274. Л. 136–138; Д. 287. Л. 35–37; Д. 290. Л. 30–36, Д. 292. Л. 4–13; Д. 309. Л. 1–30.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 6. Д. 790. Л. 28; Д. 1398. Л. 44–45, 89–92; Д. 2680. Л. 50–50а; Д. 3008. Л. 13–14.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 62. Д. 38. Л. 203; Оп. 63. Д. 89. Л. 10–11; Оп. 67. Д. 115. Л. 182.

Библиографический список

Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Б.и., 2008. 408 с.

Белякова Н.А., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР (1940–80-е гг.): Исследование и источники. М.: Индрик, 2015. 512 с.

Волохов С.П. Социально-политические протесты середины 1950-х – середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 218 с.

Глушаев А.Л. Протестантские общины в городах и рабочих посёлках в 1945–1965 гг. (на материалах Молотовской (Пермской) области): Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2013. 186 с.

История советских органов государственной безопасности / под ред. В.М. Чебрикова и др. М.: Б.и., 1977. 639 с.

Клюева В.П., Поплавский Р.О., Бобров И.В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ). СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 256 с.

Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.

Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Б.и., 2009. 356 с.

Протестантизм в Тюменском крае. История и современность / под ред. И.В. Боброва. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 222 с.

Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком»: «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2016. № 4. С. 59–75.

Савин А.И. Нелегальная деятельность евангельских общин и практики власти в позднем СССР (1960-е – 1980-е годы) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9, вып. 7 (71): Революционные волны и трансформации картины мира в XX веке.

Серова Е.А. Общины Евангельских христиан-баптистов Кемеровской области в середине 1940-х – первом десятилетии 2000-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 183 с.

Сосковец Л.И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40 – 60-е годы XX века. Томск: Б.и., 2003. 348 с.

Сосковец Л.И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск: Б.и., 2008. 252 с.

Шиллер В.В. Этноконфессиональное взаимодействие в Кемеровской области в конце XIX – XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 308 с.

Taberowski J. Stalinismus und Religion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 52 (2004), № 4. S. 481–493.

Baran E. Dissent of the Margins. How Soviet Jehovah's Witnesses Defied Communism and Lived to Preach About it. Oxford: Oxford University Press, 2014. 382 p.

Beljakova N., Bremer Th., Kunter K. «Es gibt keinen Gott!» Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte. Herder Verlag, 2016. 256 s.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.02.2019

“RELIGIOUS ORGANIZATION IS FUNCTIONING WITHOUT PERMIT”: ILLEGAL PRAYING HOUSES DURING THE LATE SOVIET ERA

A. I. Savin

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician Nikolaev str., 8, 630090, Novosibirsk, Russia
a_savin_2004@mail.ru

The article describes how illegal praying houses belonging to the supporters of the Council of the Churches of evangelical Christian-Baptists banned by the government were functioning in the Soviet Union during the 1960s-1980s. Using the documentation of the Council for Religious Affairs and its regional representatives, discovered in the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Altai region, the article researches the practices used by the believers to create the so-called “house churches”, which allowed the commune to avoid governmental interventions into its religious life. The paper characterizes the main components of this specific activity, such as conspiracy, pursuit of the autarky by religious dissidents and the readiness to “suffer” for the freedom of conscience. Another part of the article describes and analyzes repressive practices of the government aimed at dismantling the “house churches”, on one hand, and demolishing illegal stationary praying houses, on the other. The author concludes that the government was not able to solve the problem of the “house churches” up until the dissolution of the USSR. The main reason for that, other than the “headstrong stubbornness” of the believers, was the low efficiency of repressive mechanisms, such as administrative fines and dispersal of praying meetings in the light of the dominant “socialistic legality” in the Brezhnev era.

Key words: USSR, the Brezhnev era, evangelical Christians-Baptists, religious dissident, Council of the Churches of the Evangelical Christian-Baptists, Council for Religious Affairs, “house churches”, illegality, repressions.

References

- Baberowski, J. (2004), “*Stalinismus und Religion*”, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, № 4, pp. 481–493.
- Baran, E. (2014), *Dissent of the Margins. How Soviet Jehovah's Witnesses Defied Communism and Lived to Preach About it*, Oxford University Press, Oxford, UK, 382 p.
- Beljakova, N., Bremer, Th., Kunter, K. (2016), «*Es gibt keinen Gott!*» *Kirchen und Kommunismus. Eine Konfliktgeschichte*, Herder Verlag, Freiburg, Germany, 256 p.
- Belyakova, N.A., Dobson, M. (2015), *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR (1940-80-e gg.). Issledovanie i istochniki* [Women in evangelical communes of the post-war USSR. Research and sources], Indrik, Moscow, Russia, 512 p.
- Bobrov, I.V. (ed.) (2006), *Protestantizm v Tyumenskom krae. Istoriya i sovremennost'* [Protestantism in the Tyumen region. History and modernity], izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, St. Petersburg, Russia, 222 p.
- Chebrikov, V.M. (ed.) (1977), *Istoriya sovetskikh organov gosudarstvennoi bezopasnosti* [History of the Soviet institutions of the state security], w.p. Moscow, Russia, 639 p.
- Glushaev, A.L. (2013), *Protestantskie obshchiny v gorodakh i rabochikh poselkakh v 1945–1965 gg. (na materialakh Molotovskoi (Permskoi) oblasti)* [Protestant communes in cities and labor settlements in 1945-1965 (on the materials of the Molotov (Perm) region)], PhD diss., Perm', Russia, 186 p.
- Gorbatov, A.V. (2008), *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gody* [State and religious organizations in Siberia in the 1940s-1960s], w.p., Tomsk, Russia, 408 p.
- Klyueva, V.P., Poplavskiy, R.O., Bobrov, I.V. (2013), *Pyatidesyatniki v Yugre (na primere obshchin RO TsKh-VE)* [Pentecost in Ugra (on the example of the communes of the Russian society of the Christians of the Evangelical faith)], Izd-vo RKhGA, St. Petersburg, Russia, 256 p.
- Lyudtke, A. (2010), *Istoriya povsednevnosti v Germanii: novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [Everyday history in Germany: new approaches to the research of the labor, war and power], ROSSPEN, Moscow, Russia, 271 p.
- Nikol'skaya, T.K. (2009), *Russkiy protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godakh* [Russian protestants and government's power in 1905–1991], w.p., St. Petersburg, Russia, 356 p.
- Savin, A.I. (2016), «“Many do not even consider the possibility that the cultist could be an honest man”: Brezhnev's turn in anti-religious policy and Russian protestantism (1964–1966)», *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, № 4, p. 59–75.
- Savin, A.I. (2018), “Evangelical communities' illegal activities and government practices in the late USSR (1960s – 1980s)”, *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»*, Vol. 9, № 7 (71), available at: <https://history.jes.su/s207987840002374-0-1/> (accessed 19.02.2019).

- Serova, E.A. (2013), *Obshchiny Evangel'skikh khristian-baptistov Kemerovskoy oblasti v seredine 1940-kh – pervom desyatiletii 2000-kh gg.* [Communes of the Evangelical Christian-Baptists in Kemerovo region from the middle of the 1940s to the first decade of the 2000s], PhD diss., Kemerovo, Russia, 183 p.
- Shiller, V.V. (2004), *Etnokonfessional'noe vzaimodeistvie v Kemerovskoy oblasti v kontse XIX - XX vv.* [Ethno-confessional interactions in Kemerovo region in the end of the 19th-20th century], PhD diss., Kemerovo, Russia, 308 p.
- Soskovets, L.I. (2003), *Religioznye konfessii Zapadnoy Sibiri v 40 – 60-e gody XX veka* [Religious confessions in West Siberia during the 1940s-1960s], w.p., Tomsk, Russia, 348 p.
- Soskovets, L.I. (2008), *Religioznye organizatsii i veruyushchie v sovetskom gosudarstve* [Religious organizations and the believers in the Soviet state], w.p., Tomsk, Russia, 252 p.
- Volokhov, S.P. (2002), *Sotsial'no-politicheskie protesty serediny 1950-kh – serediny 1980-kh gg.: na materialakh Altaiskogo kraya, Novosibirskoi i Tomskoi oblastei* [Social-political protests of the 1950s – mid-1980s: on the materials of Altai, Novosibirsk and Tomsk regions], PhD diss., Barnaul, Russia, 218 p.